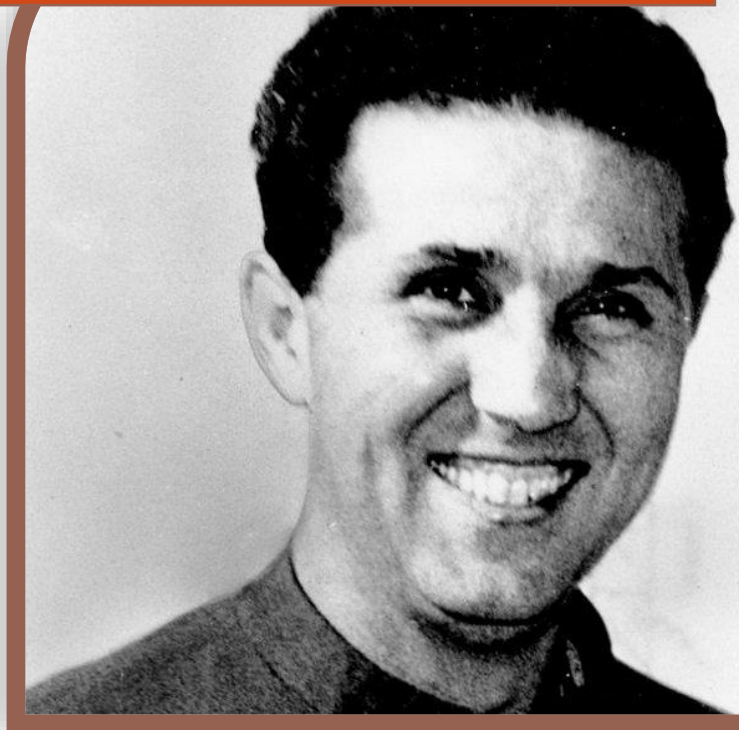

Ахмед Бен Белла

Роберт Ланда

Д.и.н., профессор главный научный сотрудник
Центра исследования общих проблем
современного Востока Института востоковедения
РАН, эксперт РСМД

27 сентября 1990 г. 20-тысячная толпа с энтузиазмом встречала в порту столицы Алжира приплывший из Барселоны пароход «Хоггар» [1]. На его борту находился первый президент независимого Алжира Ахмед Бен Белла, которого сопровождали примерно 500 человек: свыше 100 журналистов из разных стран, активисты партии «Движение за демократию в Алжире» (ДДА), алжирские и иностранные общественные деятели, в том числе бывший министр юстиции Мухаммед Беджауи и Отелу ди Карвалью, когда-то видный лидер португальской революции 1974 г.[2]. Одна из западных газет назвала возвращение Бен Беллы на родину «историческим реваншем» [3]. Но так ли это было на самом деле?

За спиной Бен Беллы осталась бурная, полная драматических поворотов жизнь. «Я родился – рассказывал он известному французскому писателю Робберу Мерлю – 25 декабря 1918 г. в Марнии, маленьком городке Орании близ марокканской границы. Мой отец был феллах. У него был небольшой участок в тридцать гектаров, но земля была плохая, неорошаемая, и основной доход отец получал от мелкой торговли в Марнии, где мы жили»[4]. Два брата Ахмеда Бен Беллы погибли, находясь во французской армии, один – в самом конце Первой мировой войны, второй – в 1939 г. Еще один брат умер от болезни в Алжире, а другой, обосновавшийся во Франции, пропал без вести в 1940 г. Типичная для многих алжирцев связь с Францией и с французской культурой ощущалась Ахмедом Бен Беллой с детства: в школе, где он учился, не было дискриминации, и он на всю жизнь сохранил благодарность к учителям-европейцам, научившим его читать и писать по-французски.

В футбольной команде Марнии алжирцы и европейцы играли вместе. Здесь Ахмед Бен Белла, рано проявивший себя как способный футболист, приобрел многих друзей и даже, по некоторым сведениям, выучился испанскому языку, так как среди европейцев Марнии (как и по всей Орании) преобладали испанцы. Позже, обучаясь в лицее Тлемсена, 14-летний Ахмед Бен Белла вступил в спор по поводу ислама с преподавателем-испанцем Бенавидесом и впервые почувствовал, по его словам, «разрыв между

миром европейцев и миром алжирцев». В дальнейшем «тысячи мелких столкновений в школе и городе» ежедневно давали ему представление о том, что он – «иностранец в собственной стране», подвергающийся дискриминации. «Это – вспоминал он впоследствии – не способствовало моим занятиям»[5].

В 1934 г. Бен Белла «не удивился», узнав, что не выдержал выпускных экзаменов. Но к этому времени он уже установил первые контакты с наиболее последовательными националистами из Национального союза североафриканских мусульман (с 1937 г. – Партии алжирского народа) и совершенно не собирался делать карьеру служащего колониальной администрации, возможность которой ему предоставлял бы лицейский диплом. К тому же отец с целью облегчить поступление слишком юного Ахмеда в лицей прибавил ему два года (чем и объясняются последующие разногласия относительно возраста Бен Беллы). Это имело свои последствия: Ахмед Бен Белла был призван во французскую армию на два года раньше, чем это могло бы быть, не в 1939 г., а в 1937 г. Демобилизованный в 1940 г., после капитуляции Франции, с нашивками сержанта и Военным крестом на груди (его зенитная батарея сбила 2 немецких самолета над Марселем), он вернулся в Алжир помогать матери и двум сестрам, лишившись к тому времени отца и всех братьев.

До 1943 г. он работал на унаследованной от отца ферме и играл в сформированной им самим футбольной команде. Это были трудные годы режима Виши, практиковавшего по всему Алжиру полицейские провокации, шовинистическую демагогию, доноительство и расизм. Марния не была исключением. В частности, местные власти требовали от Бен Беллы изгнать из команды еврея Роже Бенаму и даже грозили тюрьмой в случае невыполнения этой «рекомендации». Но отставной сержант упорно отказывался подвергнуть товарища дискриминации, жертвой которой сам бывал неоднократно. В полной мере он ее ощутил и летом 1943 г., будучи вновь призван в армию.

Участие алжирцев в боях в 1943-1945 гг. было весьма значительным. Командовавший французскими войсками в Северной

Африке генерал А. Жюэн считает, что в его армию были призваны 233 тыс. арабов Алжира, Туниса и Марокко, т.е. всего Магриба [6].

Советские историки В.Б. Луцкий и Г.А Нерсесов пишут, что только алжирцев во французской армии к концу войны было 300 тыс. чел.[7]. Так или иначе, но алжирцы внесли заметный вклад в боевые действия французской армии, которая вместе с американскими и английскими войсками сражалась в 1943-1945 гг. в Италии, Франции, Германии. Да и возможно ли установить точно, сколько именно алжирцев сражались в 1943-1945 гг.? Например, Ахмед Бен Белла, зачисленный первоначально в 6-й полк алжирских стрелков в Тлемсене, довольно быстро вошел в конфликт с французскими офицерами этого полка, практиковавшими дискриминацию, сегрегацию, систематические унижения алжирцев. Вследствие этого через несколько месяцев он был переведен в 5-й полк марокканских стрелков и почти два года сражался в его рядах, числясь «марокканцем». Позднее Бен Белла, вспоминая то время, высоко отзывался о боевых качествах своих однополчан, «старых профессиональных солдат, чуждых всякой идеологии», но огорчился их «отдалением от ислама», в частности, нежеланием соблюдать пост Рамадан. «Я верующий – говорил им Бен Белла – и я уважаю предписания моей религии. Я не пью алкоголь и не ем свинину. Однако, если я не курю, то по соображениям спортивной гигиены, а не из религиозного рвения»[8]. Он был очень огорчен, когда в мусульманский праздник Ид аль-кабир начальство приказало им выступить в поход, не дав полакомиться традиционным блюдом «мешви» (жареным бараном).

С декабря 1943 г. Бен Белла со своим полком сражался в Италии, где получил четыре награды. Одну из них ему лично вручал генерал Ш. де Голль. «Прикрепляя мне медаль на грудь, – говорил впоследствии Бен Белла Мерлю – и обнимая меня, великий государственный деятель вряд ли думал о том, что перед ним стоит человек, который будет через восемнадцать лет решать судьбы независимой Алжирской республики»[9]. Конец войны застал Бен Беллу в Марокко, где ему предложили поступить в офицерскую школу. Однако он отказался по семейным обстоятельствам, а на

самом деле – не желая служить во французской армии после жестокой расправы с восставшими на Востоке Алжира патриотами[10].

Вернувшись в Марнию, он был избран в муниципалитет по спискам партии МТЛД (Движения за торжество демократических свобод), и с головой ушел в политическую деятельность, которая не понравилась колониальным властям. Агенты властей организовали провокацию, попытавшись отобрать у Бен Беллы его ферму. Ранив одного из них при защите своего дома, Бен Белла вынужден был уйти в подполье, став с 1947 г. активистом тайного боевого филиала МТЛД – «Специальной организации» (ОС).

Основанная в 1947 г. ОС была одновременно ветвью легальной партии и особым организмом со своей структурой и руководством. Она была создана Мухаммедом Белуиздадом, отличным организатором и конспиратором, который вскоре умер от тяжелой болезни во Франции в 1949 г. ОС к тому времени насчитывала около 1800 боевиков, имевших несколько сот единиц оружия [11]. Ее функционеры требовали от ЦК МТЛД «или перейти к действию, или распустить организацию, ставшую слишком громоздкой» [12]. Но лидер партии Ахмед Мессали Хадж, популярный оратор и опытный агитатор (начавший свою политическую карьеру в 1920-е гг. в компартии Франции), остался глух к этим требованиям.

Страстью Ахмеда Мессали Хаджа была митинговая стихия, когда он, воспламеняя толпу, «устанавливал с нею скорее мистический, чем политический контакт» [13]. Властолюбивый и тщеславный, этот, по словам французского генерал-губернатора Алжира М.-Э. Нешлена, «бородатый пророк возбуждал фанатизм рабочих и крестьян, которым он казался выразителем воли и предначертаний Аллаха» [14]. Привыкнув к поклонению своих многочисленных приверженцев и ореолу «национального вождя», Ахмед Мессали Хадж был особенно озабочен поддержанием своего авторитета и всевластия в партии, с этой целью лавируя между по-боевому настроенными «активистами» (подпольщиками) и консервативными оппортунистами – «легалистами». Естественно, Бен Белла, принадлежавший к первой фракции, осуждал такое соглашательство.

Его позиция к тому же базировалась на решениях 1-го съезда МТЛД в 1947 г., на котором один из лидеров ОС Хосин Айт Ахмед от имени молодежи партии заявил: «Единство любой ценой может лишь питать иллюзии народных масс и тормозить созревание их революционного сознания» [15].

Мессали Хадж после смерти Мухаммеда Белуиздада отстранил Айт Ахмеда от руководства ОС, во главе которой стал Бен Белла. При нем ОС превратилась, по его словам, «в партию внутри партии, настолько ее цели и умонастроения отличались от тех, что проповедовал Мессали» [16]. Сами обстоятельства прихода Бен Беллы к руководству ОС не вполне ясны. По свидетельству Ахмеда Махсаса (члена ЦК МТЛД и одного из руководителей ОС в 1947-1950 гг.) на тайной сессии ЦК в Зеддине в декабре 1948 г. было решено, что глава ОС будет одновременно «ответственным за политическую организацию» [17]. Бен Белла же позднее уверял, что эта сессия была «съездом, навязанным низовым активом Мессали и его приспешникам», что из 60 делегатов большинство «осудило линию Мессали и его приверженцев» и что сам он, Бен Белла, был съездом назначен «одновременно главой политической организации партии и главой Специальной организации» [18].

Бен Белла успел сделать не так много: несколько обуздать банды наемников, использовавшихся колониальными властями против патриотов, совершить в апреле 1949 г. налет на почту Орана для экспроприации средств на нужды ОС.

Однако в начале 1950 г. полиция все же напала на след ОС, арестовав 363 человека, из которых в ходе 7 судебных процессов в феврале – ноябре 1951 г. около 200 патриотов были осуждены [19]. Выданный предателем, Бен Белла оказался в тюрьме в марте 1950 г. и был приговорен к 8 годам заключения. Но больше всего он был поражен отступничеством руководства МТЛД, которое открестилось от всех деяний ОС и даже объявило ее распущенной.

В марте 1952 г. Бен Белла бежал из тюрьмы, полгода скрывался в столице Алжира, затем перебрался во Францию, откуда в 1953 г. сумел выехать в Египет, где первое время вел полную лишений и

трудностей жизнь многих политических эмигрантов в Каире. Трудности были и потом, когда удалось наладить связь с Лигой арабских государств и добиться с ее стороны помощи борцам за независимость Алжира.

Бен Белла, в частности, вспоминал, как ему, не владевшему классическим арабским языком (алжирский диалект сильно от него отличается), пришлось выступать в Лиге арабских государств на французском языке, которому его обучали в школе Марнии и лицее Тлемсена. Были и другие трудности, связанные со стремлением египтян слить воедино антиколониальные движения во всех странах Магриба и вмешиваться в дела алжирской эмиграции.

Да и внутри самой эмиграции не все было благополучно: Бен Белла и А. Махсас не ладили с ранее прибывшими в Каир лидерами ОС Хосином Айт Ахмедом и Мухаммедом Хидером, а все они вместе – с делегатами Мессали, которые в конце концов были арестованы египтянами по настоянию Бен Беллы [20]. Многие алжирцы в Каире создавали дополнительные трудности своим руководителям: в частности, учившийся в знаменитом мусульманском университете Аль-Азхар Мухаммед Бухарруба, впоследствии ставший известным всему миру под псевдонимом Хуари Бумедьен, вступал в конфликты с Х. Айт Ахмедом, установил через него непосредственные контакты с марокканцами, организовал налет на французское консульство, за что пробыл несколько дней в каирской тюрьме [21].

К тому времени вооруженная борьба против колониального владычества Франции уже началась в Тунисе (с января 1952 г.) и Марокко (с августа 1953 г.). Бен Белла и его товарищи в Каире стремились распространить эту борьбу на Алжир, закупая оружие, добиваясь поддержки Лиги арабских государств и отдельных арабских стран, организуя военное обучение эмигрантов. «Мы сгорали от нетерпения, – свидетельствовал Бен Белла впоследствии, – но Мессали по самую бороду погрузился в болото инертности» [22]. В мае 1954 г. французская армия потерпела поражение во Вьетнаме, что окончательно заставило многих алжирцев, в том числе служивших во французском корпусе во Вьетнаме, поверить в

возможность свержения колониального режима революционным путем.

Руководителями патриотов, прежде всего лидерами ОС внутри и вне Алжира, был создан в октябре 1954 г. Фронт национального освобождения (ФНО), боевые отряды которого стали называться Армией национального освобождения (АНО).

Территория страны была разделена на пять (позднее шесть) вилай, т.е. военных округов. Каирские лидеры ОС образовали т.н. «внешнюю делегацию» ФНО. Впоследствии они вошли вместе с командирами вилай и представителями влившихся в ряды ФНО партий и организаций в Национальный совет алжирской революции (НСАР) из 34 (с 1957 г. из 54) человек, а также – в непосредственно руководивший ФНО координационно-исполнительный комитет (КИК) после расширения его состава в 1957 г. с шести до девяти человек [23]. Вместе с тем в рядах ФНО, а позднее по всему Алжиру, широко распространилось убеждение, что создание ФНО было делом «клуба девяти исторических вождей революции» – бывших руководителей ОС, ставших первыми командирами вилай и первыми зарубежными представителями ФНО.

Бен Белла был одним из этих «исторических вождей» алжирской революции 1954–1962 гг. и основателей ФНО, возглавившего революцию. На первом съезде ФНО в августе 1956 г. в Суммаме он был избран членом НСАР, а через год – членом КИК. Фактически возглавляя зарубежную делегацию ФНО, Бен Белла устанавливал важные международные контакты, руководил доставкой оружия в охваченный революционным восстанием Алжир, ведал подготовкой военных кадров.

По иронии истории именно он направил в конце 1955 г. на Запад Алжира морем караван с оружием, во главе которого поставил Хуари Бумедьена, к тому времени скромного выпускника университета Аль-Азхар, прошедшего в Хелуане (под Каиром) курс военного обучения и менее чем за 2 года после этого (к сентябрю 1957 г.) достигшего высшего в АНО звания полковника и положения командира вилайи № 5 (области Орана).

Как отмечали впоследствии Поль Бальта и Клодин Рюлло, Х. Бумедьен из всех направленных в Алжир бывших политэмигрантов более всего «дал доказательства тому, то у него крепкие нервы и что он умеет управлять людьми и событиями»[24]. Вместе с тем он, будучи на 14 лет моложе Бен Беллы [25], стал первым деятелем ФНО и АНО, который без всякого пиетета относился к популярным носителям громких имен среди лидеров революции, утверждая впоследствии: «Мы были детьми революции, а вовсе не их последователями. Революция создала свое поколение кадров» [26].

Именно это поколение, как говорил он югославскому журналисту Здравко Печару, и «вынесло на своих плечах основную тяжесть кровавой борьбы за независимость» [27]. Все это явилось зародышем будущих разногласий Х. Бумедьена и Бен Беллы, различий в их подходе и к истории революции, и к ее оценке, и к решению выдвинутых ею проблем.

Справедливости ради, надо отметить, что поколение Бен Беллы сделало также немало, и было бы неверным преуменьшать его вклад в победу революции. И дело не в том, что именно Бен Белла 1 ноября 1954 г. объявил по радио Каира о начале революции, хотя это и создало впечатление, что «все направляется из Каира, а Бен Белла осуществляет функции вождя алжирской революции» [28].

Реальным главой ФНО Бен Беллу считали и простые алжирцы, и французские авторы, пользовавшиеся сведениями разведки, военных и полицейских архивов [29]. Да он и был таковым, будучи из всех зарубежных лидеров ФНО наиболее решительным и динамичным, наиболее настойчивым в переговорах с арабскими правительствами, наиболее энергичным в деле снабжения АНО извне, наиболее постоянно переписывавшимся (а иногда и лично встречавшимся) с командирами АНО внутри Алжира. И не случайно именно его из всех зарубежных лидеров ФНО трижды (в Каире, Триполи и Риме) пытались убить агенты французских секретных служб в 1955-1956 гг. [30].

Будучи свидетелем революции в Египте, Бен Белла стал горячим сторонником Гамала Абделя Насера и, как и он, считал необходимым

в борьбе за национальную независимость опереться на помощь СССР и его союзников. «Мы готовы к тому, чтобы принять оружие от советского блока», – заявил Бен Белла 27 февраля 1956 г., вызвав тем самым замешательство не только на Западе, но и среди большинства руководителей ФНО того времени [31]. Посещая многие страны, Бен Белла придал новый масштаб и новый кругозор дипломатии ФНО, способствовал усилению международной помощи алжирской революции. В разгар этой деятельности самолет, на котором он вместе с другими зарубежными лидерами ФНО направлялся из Марокко в Тунис, был перехвачен французами 22 октября 1956 г. и посажен в Алжире, а его пассажиры арестованы.

На этот раз Бен Белла пробыл в заключении свыше 5 лет. Но эти годы сделали его наиболее популярным вождем революции. С 1957 г. он и другие арестованные руководители ФНО («пять узников») заочно входили в КИК, а с 1958 г. – в созданное ФНО в эмиграции Временное правительство Алжирской республики (ВПАР). Через тунисских адвокатов, а также другими способами, Бен Белле удавалось поддерживать контакты с руководством ФНО и влиять на его решения. Зная это, ультраколониалисты во Франции постоянно требовали казни Бен Беллы и его товарищей, а молодежь Алжира в ответ на это выходила на демонстрации под лозунгом: «Мы все – Бен Белла и нас 12 миллионов!» [32].

Президент Франции Шарль де Голль, зная о популярности Бен Беллы, в марте 1959 г. распорядился перевести всех входивших в ВПАР министров-«узников» из тюрьмы в более благоприятные условия на остров Экс. Министры-«узники» несколько раз проводили голодовки, добиваясь для себя и своих товарищей статуса политических заключенных (поскольку 80-я статья французского уголовного кодекса считала «покушением на территориальную целостность государства» даже пропаганду независимости Алжира и других колоний, алжирских патриотов во Франции считали «уголовниками»), а также поддерживая те или иные требования ФНО. Последняя их голодовка была поддержана в октябре 1961 г. 80-тысячной демонстрацией алжирских эмигрантов в Париже, в ходе которой 200 алжирцев были убиты, 210 ранены и около 11 тыс.

избиты и арестованы полицией [33]. Но эта расправа убедительно показала общественному мнению Франции неодолимость стремления алжирского народа к независимости.

Освобожденный в марте 1962 г. Бен Белла в качестве вице-председателя ВПАР совершил поездку по арабским странам и фактически возглавил левое крыло ФНО, выступавшее за «специфически алжирский» социализм с учётом опыта Африки, Европы и Латинской Америки. Несколько позже он пояснил свое отношение к этому опыту, сказав, что для него «Кастро – брат, Насер – учитель, но Тито – образец» [34]. В мае 1962 г. Бен Белла возглавил комиссию по составлению новой программы ФНО, которая была утверждена 2-м съездом ФНО в Триполи. В ней содержалась резкая критика буржуазии и империализма, провозглашалась ориентация на «социалистические принципы» и «поддержку социалистических стран» [35].

После вспыхнувшей летом 1962 г. борьбы внутри ФНО, когда решался вопрос, кто будет править независимым с июля 1962 г. Алжиром, Бен Белла постепенно стал единоличным лидером страны и правящей партии, последовательно назначаясь членом Политбюро ФНО (на съезде в Триполи в июне 1962 г.), премьер-министром первого правительства независимого Алжира (с сентября 1962 г.), генеральным секретарем ФНО (с апреля 1963 г.). В сентябре 1963 г. он был избран президентом Алжира. Под влиянием многих левоэкстремистов в своем окружении (в частности, председателя IV Интернационала Микаэлиса Раптиса) Бен Белла взял курс на внедрение «самоуправленческого социализма», что нашло отражение и в разработанной при его участии в апреле 1964 г. 3-м съездом ФНО новой программы – Алжирской Хартии. В ней самоуправление провозглашалось основной формой «перерастания национальной народной революции в революцию социалистическую» [36]. Далеко не все в Алжире были с этим согласны, тем более что недостатки самоуправления к 1964 г. уже выявились.

Находясь в СССР с официальным визитом с 25 апреля по 7 мая 1964 г., Бен Белла стремился подчеркнуть сходство социальных

систем СССР и Алжира: «Наша система управления осуществляется самими трудящимися в рамках национального производственного плана и на основе коллективной материальной заинтересованности трудящихся в росте производительности труда» [37]. Это явное копирование советских и китайских моделей сопровождалось, с одной стороны, подчеркиванием специфики алжирского социализма, который трактовался как «основанный на алжирской действительности, арабский и мусульманский социализм», а с другой – упором на то, что советско-алжирские отношения могут «служить примером того искреннего и бескорыстного сотрудничества, какое должно существовать между страной, только что добившейся независимости... и страной, которая хочет помочь ей» [38].

Поскольку Алжир тогда считали «африканской Кубой» (выражение председателя Госсовета КНР Чжоу Эньлая), то и отношение к Бен Белле было соответствующим. «Нас радует то, что сказал товарищ Бен Белла, – говорил Н.С. Хрущёв, – что вы будете строить жизнь на социалистических началах, что в своем строительстве вы будете руководствоваться научным социализмом» [39]. В тот же день было объявлено о присуждении Бен Белле международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» и о присвоении ему звания Героя Советского Союза.

Разумеется, все это раздражало Запад, но особенно правые силы в самом Алжире. Хотя Бен Белла постоянно подчеркивал свою принадлежность к арабизму и исламу, все эти уверения перечеркивались в глазах консервативных традиционалистов одной лишь его фразой: «Мы верующие, но это не мешает нам быть революционерами» [40].

Постоянно росла пропасть между президентом и верхушкой армии во главе с Х. Бумедьеном, который осуждал методы управления Бен Беллы, его иностранных советников, попытки противопоставить армии партию ФНО, а также «ученую буржуазию» (интеллигенцию) [41]. Экономические трудности 1962-1965 гг., брожение в профсоюзах, неэффективность госаппарата и аппарата ФНО дополнялись личными разногласиями Бен Беллы с другими

лидерами ФНО, в том числе со всеми оставшимися в живых «историческими вождями» революции.

В конце концов нарастание напряженности привело к свержению Бен Беллы 19 июня 1965 г. и замене его Революционным советом во главе с Х. Бумедьеном. Увезенный сначала в министерство обороны, потом в военный лагерь, Бен Белла на 15 лет исчез почти бесследно. Он был не просто вычеркнут из политической истории, но скомпрометирован: в декларации Революционного Совета 19 июня в резких выражениях осуждались его «патологическое властолюбие», «авантюризм и политическое шарлатанство», «плохое управление национальным имуществом, разбазаривание казны, неустойчивость, демагогия, анархия, ложь и импровизация»[42]. Вплоть до конца 1965 г. шли разговоры о якобы предстоящем судебном процессе. Однако этот процесс так и не состоялся. Не была опубликована и обещанная Белая книга о «хищениях» и даже «государственной измене» Бен Беллы. Вокруг содержавшегося под стражей свергнутого президента был организован заговор молчания. Его имя было запрещено упоминать. Даже в частных разговорах алжирцы старались не говорить о нем и лишь изредка называли его «известный активист».

Выйдя на свободу в 1980 г., Бен Белла в первых своих интервью прежде всего обратил внимание на необоснованность и недоказанность выдвинутых против него обвинений. Ему было уже за 60, но он еще был полон энергии и замыслов. Но это был уже другой человек. 15 лет ему было разрешено читать лишь одну книгу – Коран, что не могло не повлиять на его образ мыслей.

Его религиозность (и раньше немалая) усилилась, как и его разочарованность в идеях социализма, перехваченных у него свергнувшими его путчистами (особенно умершим в 1978 г. Х. Бумедьеном). Он совершил в 1980 г. паломничество к могиле Мессали Хаджа, написал в 1982 г. предисловие к мемуарам этого своего старого учителя-врага, с которым Бен Белле пришлось вести ожесточенную борьбу в годы революции, признал, что многим ему обязан, прежде всего «национализмом, не отошедшим от Бога, как

на Западе, а выросшим из наших верований и оплодотворенным нашей верой в Аллаха, исламом» [43].

В 1981 г. Бен Белла совершает паломничество в Мекку, потом эмигрирует во Францию. Здесь он начинает политическую борьбу с правящим в Алжире руководством ФНО, в связи с чем власти Франции, не желая обострения отношений с Алжиром, высылают Бен Беллу в Швейцарию. Оттуда из Лозанны, он продолжал почти 6 лет руководить созданной в мае 1984 г. партией ДДА, действовавшей преимущественно среди алжирских эмигрантов во Франции.

До 1988 г. сторонники Бен Беллы в Алжире не имели возможности вести политическую деятельность и упоминались главным образом в сообщениях иностранных агентств о раскрытых в стране группах вооруженного подполья. Серьезной политической силой их не считали, так как власти были более озабочены влиятельными в массах исламистами и берберистами. Однако после волнений молодежи в октябре 1988 г. и признания новой конституцией 1989 г. принципа многопартийности партия ДДА активизировалась, стала организовывать митинги и демонстрации, издавать (с июля 1990 г.) свою газету «Аль-Бадиль» 130-тысячным тиражом [44]. В мае 1989 г. Бен Белла объявил о намерении вернуться в Алжир. Но осуществить это он смог только через 16 месяцев.

Трудно сказать, как могла бы сложиться политическая судьба Бен Беллы после возвращения. Потенциальные шансы его были велики. Прежде всего, позиции руководства ФНО после смерти Х. Бумедьена ослабли вследствие экономических трудностей (падения добычи нефти, необходимости погасить внешние долги), политических промахов, бюрократизации госаппарата и выявления многочисленных фактов его коррумпированности, которые использовала набиравшая с каждым днем все новые очки оппозиция.

В этих условиях часть кадров ФНО могла поддержать Бен Беллу как харизматического лидера, сохранившего ореол «исторического вождя» революции и не причастного к политике ФНО 1965 – 1980 гг., тем более что в Алжире 1980-х гг. наблюдалось возрождение

уважения к первому поколению революционных лидеров, многие из которых – Х. Айт Ахмед, Б. Бен Хедда, Л. Бен Тоббаль, М. Язид – вновь тогда появились на политической сцене.

Но в Алжире тогда же резко возрос авторитет исламских организаций, прежде всего Исламского фронта спасения (ИФС), одержавшего победу на выборах в местные органы власти 12 июня 1990 г. и ставшего ведущей силой оппозиции. Бен Белла, уже долгое время считавший руководителей ФНО «плохими мусульманами», имел шансы стать союзником ИФС, но не стал им, так как был уже достаточно опытен, чтобы избежать крайностей исламизма.

Это составляло объективную основу для его сближения с либеральной и демократической оппозицией, нежелавшей господства ни бюрократившегося ФНО, ни экстремистов из ИФС. Со второй главной силой оппозиции – кабийской партией «Фронт социалистических сил» (насчитывавшей в 1990 г. до 140 тыс. членов) [45] – и особенно с её лидером Хосином Айт Ахмедом (давним соперником Бен Беллы и тоже весьма популярным «историческим вождем» революции) Бен Белла, судя по некоторым сведениям, также пытался наладить контакты, но без особого успеха.

Из тех немногих заявлений Бен Беллы, которые были сделаны после его возвращения, следовало, что он, как и вся оппозиция, был за отставку правительства, за создание нового «переходного» кабинета «из уважаемых лиц для подготовки новых выборов». Как писали газеты Алжира и Франции, Бен Белла, «избрав за образец де Голля», никого не отталкивал от себя, обещая в то же время: «Я не хочу оставаться у власти более полугода, года, двух лет».

Но ему не удалось стать «алжирским де Голлем». Объединить и сплотить вокруг популярной личности и правых, и левых всегда трудно даже в Европе, тем более на Востоке, где политические позиции обычно невероятно осложняются традиционным личным и клановым соперничеством, религиозной нетерпимостью, идеологической непримиримостью, общинными, феодальными и патриархальными нравами, этнической враждой.

К тому же за 25 лет практического отсутствия Бен Беллы в политической жизни Алжира еще больше укрепились изначально несимпатизировавшие ему силы – армия, связанная с ней бюрократия, буржуазия, мусульманское духовенство. Их совсем не восхищали прошлое «исторического вождя» революции, его престиж и авторитет первых лет независимости, его столь нелюбимые Х. Бумедьеном умение овладеть вниманием толпы и склонность к импровизации, необходимые в нестабильной революционной ситуации, но лишние и даже опасные в солидной «большой политике». Более того, Бен Белла был в какой-то мере и забыт: 75% из 23 млн алжирцев в 1980-е гг. были моложе 30 лет, т.е. они либо еще не родились, либо были дошкольниками, когда Бен Белла был отстранен от власти [46]. Его критика «плохих мусульман» в правительстве и «однопартийного режима» (созданного им самим в 1963-1965 гг.) воспринималась как отказ от прежних его убеждений. И такое же впечатление производили его отступление от бывшего «арабизма» и заявления типа следующего: «Арабов с арабской кровью среди нас очень мало. Мы – берберы и Бен Белла – бербер» [47]. Это еще как-то звучало среди алжирской эмиграции во Франции, в которой преобладали берберы, но не вызывало отклика в самом Алжире, где, кстати, «берберизм» осуждался так же, как и исламо-экстремизм.

Вследствие всех этих обстоятельств Бен Белла после своего, казалось бы, триумфального возвращения, мало что смог сделать. ДДА организовала несколько демонстраций в его поддержку и несколько выступлений с протестом против тех или иных действий правительства Шадли Бенджедида.

«Я не верю, – говорил Бен Белла, – что люди, в течение 15-20 лет правившие страной известным образом, вдруг станут демократами и великими реформаторами». В феврале 1991 г. он совершил поездку в Ирак, подвергшийся нападению США, и по возвращении говорил о «высоком моральном духе» иракцев и об их способности «выдержать даже ядерный удар». Это прибавило ему популярности в Алжире, где большинство сочувствовало народу Ирака [48].

На выборах 26 декабря 1991 г. его партия не получила депутатских мандатов, уступив ФНО, исламистам и «берберистам». При этом сам Бен Белла проиграл выборы в своем родном городе Марния. ДДА подала 34 жалобы на нарушение порядка выборов (ФНО подал 174 таких жалобы). Впрочем, эти жалобы никто не разбирал, так как армия Алжира, фактически стоявшая у власти с 1965 г., просто отменила выборы, заодно отстранив и президента Шадли Бенджедида, попытавшегося сговориться с исламистами, набравшими наибольшее число голосов и депутатских мандатов. После чего в стране началась гражданская война, продолжавшаяся свыше 10 лет, и отголоски которой, как и ее тяжелые последствия, дают о себе знать до сих пор [49].

Годы гражданской войны, связанные с чрезвычайными ситуациями и мероприятиями, широкомасштабными боевыми операциями и кровопролитными сражениями, с тяжелыми потерями и отменой демократических свобод, были тяжелы для всех деятелей оппозиции. Собственность всех политических партий была конфискована в ноябре 1992 г., а их лидеры вынуждены были эмигрировать. Цензура на любую информацию о положении в стране практически замораживала любую политическую деятельность [50].

Не раз гражданские политики, в том числе находившиеся в эмиграции, пытались выступить в качестве посредников с целью добиться примирения сторон (особенно в 1994-1995 гг.), но каждый раз терпели неудачу, ибо исламисты твердили, что понятия о демократии «нет ни в одном словаре арабского языка» и они знают «не конституцию, а только Коран» [51].

От бедствий войны и угроз исламистов в Европу к 1997 г. уехали более 400 тыс. алжирцев, в том числе более 200 журналистов (78 журналистов, а также многие деятели культуры были убиты исламистами) [52]. Позже, в феврале 2004 г., правительство Алжира признало, что после 1991 г. в стране погибло 150 тыс. алжирцев [53]. Всё это лишь способствовало резкой поляризации социально-политических сил в стране, размежеванию их на «происламистов» (сначала преобладавших) и «антиисламистов» (постепенно завоевывавших авторитет в ходе войны). А это привело к

размыванию социальной базы большинства «старых» политических партий и замене их новыми – проправительственным НДО (Национально-демократическим объединением) и умеренно-исламистскими («Ан-Нахда» (Возрождение) и Движение общества мира).

Когда военные действия в основном закончились, а политические деятели вернулись на родину, Бен Белле было уже 84-85 лет. Тем не менее он продолжал общественную деятельность, выступал за демократизацию жизни страны, стал в 2003 г. президентом Международного движения против вторжения США в Ирак. В последние годы жизни он был председателем совета старейшин Африканского союза, призванного выступать посредником в урегулировании межгосударственных конфликтов в Африке. Скончался Бен Белла 11 апреля 2012 г. в возрасте 93 лет.

Непростая, полная противоречий и промахов, но также удивительных взлетов и достижений политическая судьба Бен Беллы достаточно ярка и поучительна. Крестьянский сын, фермер, способный военный, о чем свидетельствуют его боевые награды, глубоко верующий мусульманин, он стал убежденным и несгибаемым антиколониалистом. Талантливый организатор, он сумел сплотить патриотов в кризисные 1953-1954 гг. и, преодолевая раскол в их рядах, направить их усилия на борьбу за независимость. Именно благодаря его усилиям алжирцы смогли начать вооруженную освободительную борьбу, получая оружие, снаряжение, политическую и материальную поддержку из арабских стран.

Он не менее, а скорее более чем другие лидеры патриотов заслуживал звания «исторического вождя» революции, хотя многие историки и журналисты на Западе, а также некоторые алжирские конкуренты, пытались приуменьшить, если не зачеркнуть, его роль. Но простой народ верил в него, и не случайно Бен Белла в его глазах оставался символом революции, даже находясь во французской тюрьме. Он внес важный, во многом до сих пор не полностью оцененный вклад в становление независимого Алжира, став его первым премьер-министром и президентом, а также ведущим

автором Триполийской программы 1962 г. и Алжирской Хартии 1964 г.

Переворот 19 июня 1995 г. стал не только личной трагедией Бен Беллы, но и достаточно резким поворотом в жизни Алжира. С этого момента главной политической силой, господствующей в стране, становится армия, а развитие Алжира (несмотря на непростые отношения Х. Бумедьена с Г. Насером) начинает следовать по «насеровской модели». Бен Белла, очевидно, предпочитал, при всем его уважении к исламу и арабскому национализму, все же «кубинскую модель». Об этом свидетельствуют не только характеристика Чжоу Эньлаем Алжира Бен Беллы как «африканской Кубы», но и ориентация Бен Беллы на социализм марксистского образца, его восхищение всем, что он увидел на Кубе, посетив её в конце 1962 г., его отношение к Фиделю Кастро, как к «брату», заимствование им способа общения Кастро с народом путем изложения своих взглядов в больших и подробных речах на массовых митингах. Конечно, Кастро знал об этом. Поэтому не вызывает удивления, что из всех глав государств мира он осудил переворот 1965 г. в Алжире в самых резких и далеко недипломатических выражениях.

Будучи главой Алжира, Бен Белла написал в предисловии к сборнику своих выступлений: «Современная эпоха родилась в грохоте канонады Октябрьской революции... В 1917 г. на смену долгой ночи пришло новое утро человечества» [54]. В этой фразе чувствуется прежде всего Бен Белла – оратор и политический агитатор.

Автор этих строк имел в 1963 г. возможность слышать речь Бен Беллы и оценить его ораторское мастерство. И хотя с этой фразой сейчас далеко не все согласятся, в том числе в России, она свидетельствует и об убеждениях Бен Беллы в бытность его президентом, и об отношении к СССР/России. Конечно, он был революционным романтиком, которые обычно гибнут в пламени революций, но без них ни одна революция не может свершиться. И нам надо помнить, что он был искренним другом СССР и что его свержение в 1965 г. означало для нас потерю ценного союзника,

бывшего видной и авторитетной фигурой не только в Алжире, но и во всем афро-азиатском мире.

Библиография

1. Правда. 30.IX.1990.
2. El Moudjahid. Alger. 26.IX.1990.
3. Le Monde. Paris, 28.IX.1990.
4. R.Merle. Ahmed Ben Bella. Le Mesnil-sur-l'Extrée (eure). 1965, p. 23.
5. Ibid, p. 26, 28.
6. A. Juin. Mémoires. Alger-Tunis-Rome. Paris, 1959, p. 361.
7. Новейшая история Африки. М., 1964, с. 72.
8. R.Merle. Op. cit., p. 45.
9. Ibid., p. 59.
10. В мае 1945 г. в ответ на репрессии полиции повстанцы Баборской Кабилии убили 103 и ранили свыше 100 европейцев. Возмездие было ужасным: власти признали, что каратели истребили 1500 алжирцев, но даже французские авторы признавали, что на деле было убито в 4-5 раз больше (Ch.-R.Ageron. Histoire de l'Algérie contemporaine. P., 1974, p. 94). Алжирские источники впоследствии приводили цифру 45 тыс. погибших алжирцев (M. Kaddache. Histoire du nationalisme algérien. Alger, 1980, t.11, p. 718). Венгерский историк Ласло Надь на основании изучения французских архивов решил, что в мае 1945 г. было убито более 10 тыс. алжирцев (L.J. Nagy. La naissance et le development du mouvement de liberation nationale en Algérie. Budapest, 1989, p. 143).
11. П.Г. Ланда. Кризис колониального режима в Алжире. 1931-1954. М., 1980, с. 154.
12. М. Harbi. Aux origins du FLN: le populisme révolutionnaire en Algérie. P., 1975, p. 118.
13. G.Courrière. Les fils de la Toussaint. P., 1968, p. 51.
14. М.-Е. Naegelen. Mission en Algérie. P., 1962, p. 21.
15. Н. Ait Ahmed. La guerre et laprès-guerre. P., 1964, p. 189.

16. R. Merle. *Op. cit.*, p. 74.
17. M. Harbi. *Op. cit.*, p. 118.
18. R. Merle. *Op. cit.*, p. 77-78.
19. П.Г. Ланда. Указ соч., с. 154.
20. Интересно, что один из этих делегатов, Шадли аль-Макки, еще в 1952 г. будто бы представил Бен Беллу алжирским студентам в Каире, сказав: «Это – Бен Белла, вождь Армии освобождения» (A. Francos, J.-P. Séréni. *Un Algérien nommé Boudemiène*. P., 1976, p. 47). Но эти сведения явно не точны: в 1952 г. еще не существовало Армии освобождения, да и Бен Белла находился тогда сначала в Алжире, потом во Франции и не мог быть в Каире.
21. Народы Азии и Африки. М., 1981, № 1, с. 119.
22. R. Merle. *Op. cit.*, p. 94.
23. В.А. Аргентов. Алжир на новом пути. М., 1982, с. 17.
24. P. Balta, Cl. Rulleau. *La stratégie de Boumediène*. P., 1978, p. 17.
25. Некоторые авторы, ссылаясь на данные французской полиции, утверждали, что Бумедьен родился в 1925 г. и, следовательно, всего на 7 лет моложе Бен Беллы. См. D. Gordon. *The Passing of French Algeria*. L., 1966, p. 100.
26. A. Francos, J.P. Séréni. *Op. cit.*, p. 67.
27. Z. Pečar. *Alžir do nezavisnosti*. Beograd, 1967, s. 522.
28. Y. Courrière. *Le temps de Léopards*. P., 1969, p. 87.
29. J. Soustelle. *Aimée et souffrante Algérie*. P., 1956, p. 19; S. Bromberger. *Les rebelles algériens*. P., 1958, p. 87; R. Le Tour-neau. *Evolution politique de l’Afrique du Nord musulmane*. P., 1962, p. 390.
30. R. Merle. *Op.cit.*, p. 103-109.
31. П.Г. Ланда. История алжирской революции. 1954-1962, М., 1983, с. 81.
32. Там же, с. 239.
33. *Les manifestations des Algériens d’octobre 1961 et la repression colonialiste en France*. Ed. du GPRA, s.l.décembre 1961, p. 18-25.
34. П.Г. Ланда. История алжирской революции, с. 253.
35. *Alger républicain*. Alger, 2-3.IX. 1-62.
36. Алжир (справочник). М., 1977, с. 73.

37. Нерушимая дружба и братство. М., 1964, с. 136.
38. Ахмед Бен Белла. Речи и выступления. М., 1964, с. 152, 176.
39. Нерушимая дружба и братство, с. 48.
40. Там же, с. 49.
41. Démocratie Nouvelle. P., 1965, N 6, p. 65.
42. Annuaire de l'Afrique du Nord. Aix-en-Provence. 1966, t. IV, p. 627-629.
43. Les Mémoires de Messali Hadj. P., 1982, p. 14.
44. Le Monde. 21.VII.1990.
45. Le Monde. 28.IX.1990.
46. За рубежом. М., 1988, № 43, с. 15.
47. Dejeux J. Identité nationale, idéologie arabo-islamique et revendication berberophone en Algérie. Turku, (Finlande), 1983, p. 29.
48. Правда, 11.02. 1991; El Moudjahid, Alger, 30.09.1990.
49. Восток, 1993, № 1, с. 146-147; Burgat F. L'islamisme en face. P. 1995, pp. 158-159.
50. Бабкин С.Э., Миронова Е.И. Алжир: три года на грани гражданской войны. М., 1995, с. 61-65.
51. El Moudjahid, 27.01-05.02.1994.
52. Азия и Африка сегодня, 1995, № 1, с. 20-22; Известия, 19.06.1997; Monde Diplomatique. P., 1994, N 479, p. 1.
53. The Middle East Journal. Washington 2005, N 3, p. 460.
54. Ахмед Бен Белла. Указ. соч., с. 9.

Над проектом работали: Дарья Хаспекова, Мария Смекалова, Ирина Сорокина, Николай Мухин, Роман Майка, Алиса Замуруева, Александр Тесля и Дмитрий Пуминов

© 2016 Российский совет по международным делам, russiancouncil.ru